

На следующий день, пока Дунфан Вэйцзюнь вел изнурительную игру с оппозицией, я впервые — с достоинством и по всем правилам — вошел в дворцовые ворота, чтобы нанести визит вдовствующей императрице.

Годы брали свое, и былая красота великой женщины увядала, но она все еще оставалась матерью нации: её аура подавляла своей мощью. Сейчас я выступал в роли примерного ученика Юйвэнь Му, а потому каждое моё движение было выверено и осторожно. Я должен был оставить у неё идеальное впечатление — «Юйвэнь Му версии 2.0».

После обязательных ритуалов и вежливого обмена любезностями я искусно перевел разговор на отвлеченные темы, рассказывая о забавных случаях из моих «учебных странствий». На мне были простые белые одежды, в манерах я старательно подражал наставнику, но в самую суть беседы вложил тонкий подтекст: я — обычный книжник, которого не прельщают дворцовые интриги, чьё сердце принадлежит лишь горам, рекам и каллиграфии. Зная, что эта женщина, никогда не вмешивавшаяся в политику, вряд ли питает симпатию к столичным стяжателям, я добавил в свои речи легкую нотку «благородной печали» из-за несовершенства мира, перед которым я бессилен.

И снова я попал в яблочко. По моим сведениям, вдовствующая императрица обычно была холодна с гостями, но сегодня она, вопреки обыкновению, становилась всё приветливее. Сначала она просто слушала мои истории о дальних краях, а затем, увлеченная, начала сама расспрашивать о деталях. Незаметно наступил полдень. Она велела накрыть стол в императорском саду, чтобы угостить меня обедом.

— Янь-эр, пойди пригласи императора, — распорядилась она.

Вчера мы договорились с Дунфаном Вэйцзюнем: если от меня не будет вестей, он должен затягивать утренний прием до последнего. Вскоре служанка вернулась.

— Его Величество передал, что собрание еще не окончено, он не может прийти.

Вдовствующая императрица удивленно приподняла брови:

— До сих пор не закончили?

— Да, говорят, обсуждают некое дело государственной важности. Государь сказал, что пока не придут к решению, никто не уйдет. Обед подали прямо в тронный зал.

— Что же это за дело такое, что даже поесть некогда?

— Неизвестно. Евнух, передавший слова, сказал, что это тайна.

— Странно всё это... Небо знает, что они там затеяли, — она повернулась ко мне. — Сян-эр, ты

редко заглядываешь, я хотела познакомить тебя с императором, но раз такое дело, сегодня вряд ли получится.

— Его Величество обременен тысячей забот, государственные дела превыше всего. Для простолюдина вроде меня уже великое счастье — увидеть вас благодаря имени наставника. О большем я и мечтать не смею.

«Видал я этого императора раз сто, не меньше, — подумал я про себя. — Если бы он пришел, нам обоим пришлось бы ломать комедию и притворяться незнакомцами. Даже смешно».

— Какой ты воспитанный и понятливый, Сян-эр! Одного учителя слушал, а мой сын и вполнину не такой чуткий, как ты! — Она уже совсем ко мне расположилась, раз перешла на ласковое имя.

— Девятый князь благороден по праву рождения, он истинный потомок дракона. Куда мне, смиренному подданному, тягаться с ним?

«Твой сын только и занят тем, как бы подсидеть брата, где уж ему время на разговоры с матерью найти», — язвительно мелькнуло в голове.

Скромность и осторожность принесли свои плоды. Обед в саду стал идеальным фоном для моей следующей затеи. Начало весны выдалось прохладным, но день был ясным, и полуденное солнце заливало сад ярким, но не слепящим светом. Наслаждаясь легкими закусками, я завел речь о весенних цветах. Казалось, тема всплыла случайно, но это был результат моих долгих ночных раздумий. Когда разговор зашел о садоводстве, императрицу было уже не остановить. Мы беседовали так оживленно, словно встретились два старых друга-единомышленника.

— Кстати говоря, в «Саду Душистого Цветения» сейчас как раз должна зацвести та самая «Двадцать четыре благородных мужа», — как бы невзначай обронил я с легкой ноткой ностальгии. — Вернувшись в Шэнцзин, я ведь еще даже не успел заглянуть домой.

— Сян-эр говорит о той редкой орхидее?

— И да, и нет.

— Как это понимать?

— Обычно под этим названием подразумевают орхидею, на стебле которой распускается двадцать четыре цветка — зеленых, белых или розовых. Но мой экземпляр — плод случайной находки во время странствий. На одном её стебле расцветают бутоны двадцати четырех разных оттенков. Потому я дерзко считаю, что лишь цветок из моего сада достоин зваться истинным «Благородным мужем».

— Неужели в мире существует такое чудо?

— Клянусь, я не смею лгать вам.

— Я провела во дворце долгие годы и видела немало диковин, но чтобы на одном стебле было двадцать четыре цвета... Такого встречать не доводилось.

— Если вам угодно, я почту за честь преподнести этот цветок вам. Но орхидеи нежны, а сейчас пик цветения — пересадку она не переживет. Придется подождать, пока она отцветет. Впрочем, этот сорт особенный: цветет раз в три года, и всего пять-семь дней.

— Раз в три года? — в её глазах мелькнуло искреннее сожаление.

— Именно. И каждый раз цвет зависит от климата. В этом году дождей было вдоволь, погода теплая — мой садовник говорит, что сейчас окрас самый яркий. Сегодня как раз четвертый день цветения, самый расцвет красоты. Если бы вы соизволили посетить «Сад Душистого Цветения», то увидели бы это великолепие своими глазами.

— И где же находится этот сад?

— Всего в десяти ли за городскими воротами.

— Что ж, это чудесно. Я и сама давно не выбиралась на прогулку.

Признаться, я не ожидал, что она согласится так легко. То ли она слишком доверчива, то ли моё красноречие превзошло все ожидания. Отбросив сомнения, я немедленно отправил слуг в Сад Душистого Цветения готовиться к приему, а вскоре и кортеж императрицы тронулся в путь.

Я послал теневого стража предупредить Дунфана Вэйцзюня, а сам занялся распоряжениями в саду. И тут мне доложили новость, от которой волосы встали дыбом.

— Цзиньжунь? Что он здесь забыл?!

— Молодой господин Симэнь искал вас последние несколько дней. Уж не знаю, как он проведал, что вы приедете в Сад Душистого Цветения, но он ждет здесь с самого утра.

— Черт бы его побрал!

Его отец — бывший соперник императрицы в сердечных делах, а сам Цзиньжунь в политике смыслит меньше, чем свинья в апельсинах. Если он столкнется с вдовствующей императрицей

и ляпнет что-нибудь не то — беды не миновать. До прибытия кортежа осталось полчаса, нужно срочно спровадить его отсюда.

Мне сказали, что он ждет в моей комнате. Надо же, поумнел — решил «караулить зайца у пня». Я стремительно вошел в покои и увидел, как он нетерпеливо вертит в руках чайную чашку. Стоило ему увидеть меня, как он вскочил и сгреб меня в охапку.

— Цинмин, Цинмин! Ты куда пропал? Я тебя целую вечность не видел!

— Я... был занят... Слушай, отпусти меня, а?

Он разжал объятия, но тут же утянул меня на край кровати. Он сиял радостью, но в то же время выглядел обиженным, как у побитого щенка.

— Почему ты всегда занят? Ты же можешь поручить всё Сун Нину.

— Есть вещи, которые он не потянет, я должен всё делать сам. И вообще, как ты узнал, что я здесь?

— Птички напели, что ты заезжал сюда вчера ненадолго. Обычно ты остаешься на несколько дней, вот я и подумал — а вдруг вернешься.

«Растет парень, уже логические цепочки строит. Но почему именно в этот критический момент?!» — простонал я про себя.

— У меня здесь важный гость, которого нужно принять по высшему разряду. Уезжай пока, я вернусь домой через пару дней.

— Нет! Я только тебя нашел! Не прогоняй меня!

Он вцепился в мой локоть мертвой хваткой, глядя на меня своими огромными невинными глазами. Меня прошиб холодный пот: лгать такому «ребенку» казалось делом глубоко аморальным.

— Цзиньжунь, не капризничай. Гость действительно важный. К тому же, этот человек любит тишину — в усадьбе не должно быть никого, кроме меня и слуг.

— Но... ты опять мне врешь...

«Я не вру, я просто... недоговариваю», — вздохнул я.

— Ну прошу тебя! Езжай домой. Как только гость уедет, я сразу примчусь, идет?

— Правда?

— Истинная правда! Давай, уходи скорее, если гость тебя увидит — будет скандал.

— Ладно... Но тогда дай мне тебя поцеловать, и я уйду.

Святые небеса, он научился торговаться! Не иначе Сун Нин приложил руку. Но сейчас было не до выяснения отношений: если он согласен уйти — я на всё готов. Я и представить не мог, ЧТО он имел в виду под «поцеловать».

— М-м...?!

Мои губы оказались заперты, его язык бесцеремонно вторгся внутрь. Я закатил глаза, но времени на споры не было — пусть насытится и убирается. К моему удивлению, этот остолоп оказался талантливым учеником: его техника была безупречна. На мгновение я даже забыл о надвигающейся катастрофе, утопая в этом тягучем, сладком поцелуе.

Когда мне показалось, что я сейчас задохнусь, он наконец отстранился. Я в полуобморочном состоянии привалился к нему, хватая ртом воздух. «Ну всё, теперь точно уйдет», — подумал я, но услышал жалобный шепот:

— Цинмин... Что мне делать...

— Что?

— Оно... встало...

Тут я осознал, что он прижимает меня к себе всем телом, а в мое бедро упирается нечто весьма твердое. Вот уж точно: пришла беда — отворяй ворота.

— Цинмин... помоги мне, а?

— Ты... — я уже открыл рот, чтобы обрушить на него праведный гнев, но снова наткнулся на этот щенячий взгляд. Мой разум вопил, что виноват он, но чувство было такое, будто это я его обижаю. Что за наваждение!

— Реши это сам! Скоро прибудет гость, убирайся!

— Но Цинмин... это так мучительно...

Боги, это испытание моей стойкости? Подавив ярость, я принялся распутывать завязки его штанов. Время — жизнь, лучше я сейчас быстро с этим покончу, чем буду тратить драгоценные минуты на уговоры.

Обхватив горячую, пульсирующую плоть, я заработал рукой. Раньше я перенял пару приемов у Мо Ли — пяти минут должно хватить этому дураку.

— Ах! Цин... Цинмин... помедленнее... у-ух...

Он сжал меня сильнее, хрипло дыша мне в ухо. Хорошо быть идиотом: никаких забот, только следование первобытным инстинктам. Но глядя на его покрасневшее лицо и зажмуренные глаза, я вдруг почувствовал к нему жалость.

— Ох... как хорошо... Цинмин...

Проклятье! Тебе-то хорошо, а у меня внутри всё клоочет от злости! Быстрее, изливайся уже и проваливай!

На волне раздражения я чуть усилил нажим. Он вскрикнул и прижал меня так, что хрустнули ребра. Поняв, что могу пострадать сам, я сбавил темп, стремясь к скорейшей развязке.

Но гладко было на бумаге. Внезапно мир перевернулся, и я оказался прижат к кровати. Он принялся покрывать мои щеки и шею беспорядочными поцелуями. Почувствовав, что он близок к пределу, я ускорился, лаская яички. Цзиньжунь, подстегнутый стимуляцией, начал отчаянно толкаться бедрами, сорвал с меня ворот и приник губами к груди.

— Ты... веди себя приличнее...

Мои слова канули в пустоту. Тот, кто находится на пике страсти, глух к голосу разума. Через мгновение мой пояс был отброшен, а он уже пытался стянуть с меня верхнюю одежду. Я хотел сопротивляться, но осознал: какой бы он ни был оболтус, он — мужчина, искушенный в боевых искусствах. Он был несоизмеримо сильнее «хрупкого книжника». Поняв, что сейчас им движет один лишь инстинкт, я перестал бороться и лишь яростнее заработал рукой, надеясь на финал.

Наконец, после нескольких мощных толчков, горячее семя брызнуло мне на руку и одежду. Он рухнул на меня, тяжело отдуваясь. Я поспешно оттолкнул его, боясь, как бы он не пошел на второй заход.

— Эй, вставай!

Я едва сдерживал крик. Брезгливо взглянув на испорченную одежду, я вскочил, сорвал её и швырнул в угол, после чего лихорадочно отмыл руки. Обернувшись, я увидел, что он ошарашенно смотрит на меня. Мое терпение лопнуло.

— Теперь-то ты уберешься?! — прошипел я.

Он пришел в себя, заметил мое бешенство и торопливо натянул штаны.

— Цинмин, ты злишься?

— Еще бы!

— Цинмин... я виноват... но... когда я тебя вижу... я просто не могу собой управлять...

— Всё, хватит! Обсудим это позже. А сейчас — вон!

Я вызвал «кровоного стража», чтобы тот вывел его тайными тропами к «Пристанищу Феникса». Мне доложили, что кортеж императрицы уже у ворот. Я в панике переоделся в точно такую же одежду и обильно окурил комнату сандалом, чтобы перебить запах соития. Конечно, идти любоваться цветами, благоухая тяжелым ладаном — кошунство и нарушение всех канонов, но другого выхода не было. Поскольку уже смеркалось, я велел накрывать ужин и вынести в кабинет несколько свитков с великой живописью.

Едва увидев меня, вдовствующая императрица поморщилась:

— Сян-эр, почему от тебя так разит сандалом? В таком тумане ты аромата цветов не почувствуешь.

— Простите покорно, — поклонился я. — Как только я прибыл, управляющий сообщил, что мой друг прислал несколько картин. Я заглянул в кабинет... и совершенно потерял счет времени, так они меня захватили. Я слишком долго пробыл среди курильниц. Молю о прощении.

— И что же это за картины, которые заставили искушенного Сян-эра забыть о моем приезде?

— Это работы первого таланта Цзяннани — Чжэнь Шичжи, которого ныне именуют Богом Живописи.

— Тот самый Чжэнь Шичжи, что когда-то стал первым на экзаменах Небесной династии, а через год бросил службу и ушел в деревню? Его свитки на вес золота, как твой друг смог раздобыть сразу несколько?

— Мой друг — его близкий товарищ. Узнав о моем недавнем дне рождения, он упросил мастера написать триптих «Три друга зимней стужи».

— Неужели? Что же это за друг у тебя такой влиятельный? Можно ли на него взглянуть?

— Увы, он человек вольный, вечный странник. Оставил свитки и тут же отправился дальше, не дождавшись моего приезда.

— Интересные у тебя знакомства, Сян-эр.

— Не желаете ли вы взглянуть на шедевры мастера Чжэнь?

— Почему бы и нет. Слава его гремит повсюду, но увидеть его кисть — редкая удача. Раз уж он написал их специально для твоего праздника, они должны быть особенными.

Связи «Пристанница Феникса» позволяют достать что угодно. Эти свитки мне действительно подарили недавно, но если бы благородный мастер Чжэнь узнал, что его творения попали в руки торговца и используются, чтобы дурачить императрицу, он бы скончался на месте от негодования.

К счастью, императрица оказалась ценительницей. Рассматривая «Трех друзей зимней стужи», она рассыпалась в похвалах. В итоге она и сама насквозь пропиталась сандаловым дымом в моем кабинете. Стемнело окончательно — цветы сегодня смотреть было уже поздно.

Пользуясь случаем, я пригласил её отужинать и остаться на ночь, чтобы посмотреть орхидею утром. В этот момент теневой страж шепнул мне: император, узнав о поездке матери, уже спешит сюда инкогнито. Я облегченно выдохнул, но напустил на себя вид крайней суеты: велел еще раз всё перемыть и расширить меню ужина, готовясь к встрече «высокого гостя».

<http://bllate.org/book/17477/1695677>